

«Уныние. Весь день нетороплив. Я должен с этим чувством примириться», — две строки из стихотворения Эдуарда Кирсанова говорят о нём довольно много. Живя размеренной, привычной жизнью в тихом Смоленске, Эдик (как звали его друзья) примириться с унынием, конечно, не мог, а потому оплетал обыденность придумками, фантазиями, волшебством. У него были две большие литературные любви: Николай Гумилёв и Даниил Хармс. Он знал полностью творчество Хармса, его библиографию, читал все доступные мемуары о нём. Также любил Ремизова и Кафку. По рассказам друзей, личность Кирсанова была многослойной, многосоставной, но отнюдь не противоречивой. Даже разговаривать о нём, признались мне, одновременно просто и тяжело. Он был и общительным, и замкнутым человеком. И все это было совершенно естественно для него.

Смоленский поэт Дмитрий Смагин написал об Эдуарде со сдержанной болью: *«Он был всегда очень скромен и сдержан. Для нас его смерть — трагедия. Его все очень любили»*. Друзья поэта Наталья и Андрей Баркаловы — участники литературного объединения «Персона» (Андрей к тому же — одноклассник Эдуарда) проговорили о нём несколько часов — так, как будто он жив. И это спустя десять лет после его смерти.

Эдуард Кирсанов, по словам его друзей, был человеком «немного готическим». Казалось, он неловко чувствовал себя на этой земле. Окно в его комнате обрамляли

тяжёлые бархатные шторы. Он носил мягкие пиджаки и неизменный длинный чёрный шарф, который по его просьбе связала жена Валерия, вышив на нём цитату из Хармса: *«Пью фюфюлы на фу-фу, еду мальчиком в Уфу»*. В его кабинете в Автотранспортном техникуме — там он преподавал английский язык — висели на стенах портреты Шекспира и Мильтона. Он смотрел на мир сквозь болотного цвета очки. Обожал мистификации — например, делал переводы стихов неизвестных поэтов, а потом оказывалось, что это его собственные стихи. Любил изучать языки — помимо английского знал немецкий, шведский, немного финский, латынь на уровне университетского филологического образования. Как вспоминает жена Эдуарда, у них был радиоприёмник, который работал на шведской волне. Однажды поэт прислушался и с грустью сказал: *«Умерла Астрид Линдгрэн...»* Эдуард постоянно вставлял иностранные слова и фразы в свои стихи — искал особенную музыку строки, чужие языки служили приправой, придавали остроты. Например, стихотворение *«Окно выходит на улицу»* начинается с немецкой фразы в русской транскрипции: *«дас фенстер геет ауф ди штрассе, йа»* и дальше этот пассаж обыгрывается уже на русском: *«ну да окно выходит на улицу будь осторожен»*.

Кирсанов любил ритуалы. Поход в гости, приём гостей, чаепитие, курение самокруток. Ему был важен процесс. То же в творчестве — поэзия была главным делом его жизни, и важен был именно процесс. Он по-настоящему работал над своими стихами, запирался в одиночестве, искал новые формы, составлял слова — добивался предельной точности смысла и музыки, мелодичности, гармонии. Всё, что он видел и слышал, тщательно преобразовывал в поэзию. Это был его способ существовать здесь и сейчас.

И это слышно в его стихах — смелых, но предельно аккуратных, где каждый ритмический сбой, каждый звук продуман, прочувствован, резонирует, откликается.